

Светлана Рыжакова

**Антропология в современной Индии:
о знаках и признаках эпохи.
Размышления по мотивам 44-й ежегодной
конференции Индийского антропологического
общества (Райпур, штат Чхаттисгарх, Индия)
17–19 января 2014 г.**

В январе 2014 г. я побывала в городе Райпур штата Чхаттисгарх. Там проходила очередная (уже 44-я) конференция Индийского антропологического общества, названная «Антропология в современной Индии: пути движения и вызовы» (“Anthropology in Contemporary India: Prospects and Challenges”). 44th Annual Conference of The Indian Anthropological Society and Golden Jubilee National Seminar of Pt. Ravishankar Shukla University, Raipur). Организатором ее — совместно с Индийским антропологическим обществом — выступила Школа антропологических исследований (School of Studies in Anthropology) Университета имени пандита Равишанкара Шуклы в Райпуре в лице доктора Ашока Прадхана и команды его коллег и студентов.

На трехдневную конференцию приехало около семидесяти участников из разных, в основном восточных штатов Индии; единственной иностранкой оказалась я. Работа проходила в десяти секциях, однако достаточно спокойный и размеренный ритм, возможность неформального общения в перерывах, утром и вечером (почти все участники жили в университетском кампусе) создавали приятную и непринужденную атмосферу. Нужно сказать, далеко не все известные индийские антропологи приняли

Светлана Игоревна Рыжакова
Институт этнологии
и антропологии РАН,
Москва
lana@mega.ru

участие в этой конференции лично, зато было немало молодых ученых, только еще готовящих свои работы на степень PhD, и в целом можно было составить некоторое представление о состоянии дисциплины в Индии — о темах и уровнях дискуссий, приоритетных направлениях, обсуждаемых проблемах.

Программа конференции была составлена, по уже сложившейся традиции, логично и продуманно. Разумеется, не обошлось без некоторых задержек и путаницы (обыкновенной для индийских мероприятий), однако тут всегда было чем заняться — в коридоре всегда стоял автомат с масала-чаем, можно было побеседовать с коллегами и студентами, посмотреть и приобрести журналы и другие издания Индийского антропологического общества.

В первый день конференции вступительные доклады с общей характеристикой антропологической науки в Индии сделали почетные гости: профессор Видьют Джоши (бывший вице-канцлер из Бхавнагара, штат Гуджарат) и профессор Аджит К. Данда (секретарь Индийской национальной конфедерации и Академии антропологов — INCAA).

В начале каждого дня работы конференции были прочитаны памятные лекции, посвященные известным антропологам: Сасанке Секхар Саркару (лектор — профессор Р.К. Мутаткар, президент INCAA), Нирмалу Кумару Бошу (лектор — Сатьябрата Чакрабарти, вице-президент Индийского антропологического общества, Калькутта) и Дхарани Сену (лектор — профессор К.К. Баса из Университета Уттал, Бхубанешвар, Орисса).

Затем следовала работа секций: «Медицинская антропология и общественное здоровье» (17 докладов; тут и далее я указываю количество заявленных докладов, тезисы которых были опубликованы в брошюре конференции; реальное количество участников было несколько меньшим), «Состояние роста и питания и охрана здоровья» (15 докладов), «Музей и культурное наследие» (3 доклада), «Этничность и социальное беспокорство» (10 докладов), «Племенное развитие» (19 докладов), «Палеоантропология» (3 доклада), «Лингвистическая антропология» (6 докладов), «Молекулярная и демографическая антропология» (12 докладов), «Антропология развития» (8 докладов), «Наделение женщин властью (Women empowerment)» (15 докладов).

В одних случаях доклады обсуждались сразу, в других работу секции завершали обобщающие беседы — в некоторых случаях весьма эмоциональные. В конце последнего дня конференции состоялась общая встреча участников, были подведены итоги,

прошла общая дискуссия. Особое внимание было посвящено проблемам и перспективам антропологического образования в Индии.

В конференции участвовали профессиональные антропологи, этнологи, но также на ней присутствовали, слушали доклады и те, кто в силу своей службы частично соприкасается с антропологическим знанием, например господин Н.К. Ваид, директор известного агентства “Vaid’s ICS”, с 1985 г. готовящего чиновников-управленцев для всех уровней государственного аппарата Индии. Общаясь с ним в кулуарах, я узнала, что он считает антропологию очень важной дисциплиной в деле организуемого им образования и старается следить за всем, что происходит в этой области; он регулярно бывает и на международных конференциях.

Примерно треть всех докладов была так или иначе подготовлена в рамках медицинской антропологии, причем со стороны как специалистов в физической, биологической антропологии, так и социальных антропологов. В частности, мой коллега и соавтор, этнограф Сумахан Бандопадхья, до сих пор не обращавшийся к медицинской тематике, тоже поддался этой моде и представил доклад «Болезнь, пограничье и сообщества: исследование лечения оспы в бенгальской культуре». Многие доклады были связаны с изучением болезней и медицинской практики (как народной, так и современной аллопатической) среди конкретных племен (канвар, кодаку Чхаттисгарха, а также дхурва и гонды Бастара, кора из района Бирбхум Западной Бенгалии, ченчу района Курнул штата Андхра Прадеш, раи Сиккима), каст и субкаст (намашудра Западной Бенгалии), отдельных районов (например, район Южные 24 Парганы штата Западная Бенгалия) и городов (Дели, Калькутта). Доклад Танушри Пандит Чаттерджи из секции «Палеоантропология» также был посвящен моделям питания, реконструируемым на основе каменных орудий.

Почти все эти доклады имели как научный, так и прикладной характер. Однако постановка проблем и ход обсуждения не выявляли хоть сколько-нибудь внятной общей индийской или региональной картины, еще менее наблюдалось обращение к теории. Так, создавалось впечатление крайней фрагментарности и обрывочности проводимых конкретных исследований, не всегда содержащих ясную методологию и в большинстве случаев не соединенных логической линией. Столь большое число мало связанных друг с другом — хотя зачастую интересных — докладов свидетельствует, надо думать, об очевидной моде на тему «медицинской антропологии», получающей финансовую поддержку и гранты многих фондов.

Иная картина вырисовывалась на секции «Молекулярная и демографическая антропология» — область, требующая серьезных профессиональных знаний, навыков и проведения конкретных клеточных, генно-молекулярных исследований, проблем репродукции, влияния окружающей среды. Все доклады секции оказались сфокусированными на двух проблемах: наследственно передаваемые заболевания (и прежде всего, рак груди) и современная демографическая картина конкретных сообществ разного уровня и численности (мусульман дарбхангя кхота в районе Мальда штата Западная Бенгалия, небольшой племенной группы дхимал в районе Дарджилинг, общины читракар Ориссы, касты намашудра Западной Бенгалии). В результате становились понятными как основная динамика описываемых сообществ, их рост или убывание, так и важнейшие факторы этих перемен. Активное участие в обсуждении принял Амлан Канти Рой, физический антрополог и сотрудник репродуктивной клиники “Spectrum” из Калькутты, с которым мы впоследствии обсуждали тему современной эволюции человека, а также тему культурно-географических зон — важную для моего исследования; в этой связи А.К. Рой сделал немало ценных наблюдений в отношении и моего доклада.

Две секции конференции были связаны с понятием «развития» (development), имеющим в индийском контексте особый историко-политический смысл, четко прописанный в государственной социальной и экономической концепции, сформированной еще правительством Дж. Неру в 1950-е гг. (см.: [Singh 1989]). В секции “Tribal development” речь шла о государственной и частной поддержке отсталых областей, жителей деревень, особенно племенных районов (лодха Мединипура Западной Бенгалии, джуанг Ориссы и других), о роли образования, климатических перемен. На материале преимущественно штатов Чхаттисгарх, Орисса и Западная Бенгалия вскрывались такие проблемы, как эксплуатация людей и среды, уничтожение лесов, массовое переселение и продажа женщин в рабство (доклады П. Лакра, П. Гаджendra, М. Синха).

В секции “Developmental anthropology” ставились концептуальные задачи изучения «антропологии бизнеса» (Манас Ранджан Саху, Упали Апараджита, Биджайя Крушна Махарадж), антропологического изучения экономики (Шарад Шарма, Танушри Шарма), представлений о «благополучии» (Санкха Прийя Гуха), образовании (Х.Н. Чакраборти). Антропологический материал современного положения «особо ущемленных племенных групп» — в частности, колам Махараштры и приграничных с Мадхья Прадеш областей (доклад Н. Рай и П. Упадхьяя) — показывает неудачу в достижении поставленных государством внутривнутриполитических задач общественного развития.

В докладе Дебашиша Дебнатха была поставлена тема, обозначенная понятием «консервация», постоянно сопутствующая процессам развития и восходящая — в случае с Индией — еще к колониальной администрации. Автор сравнивает консервацию среды обитания, в частности лесных массивов, и общественную «консервацию», фиксирующую социальные статусы, их функции и привилегии.

Отчетливая модная агенда, широко представленная в современной политической речи Индии и проникающая в публицистику, художественную литературу, театр, изобразительное искусство и т.п., звучала на секции “Women empowerment”. Ныне в Индии едва ли можно найти хоть сколько-нибудь представительную конференцию, на которой не был бы поставлен и, как правило, акцентирован женский вопрос. По сути дела, в докладах речь шла обо всем, о чем говорилось на других секциях: здоровье, представительство во властных структурах на всех уровнях, от деревенских панчаятов до национального парламента, юридическое оформление прав и возможностей низких и ущемленных групп. Авторы некоторых докладов отчетливо показали нелепость и однобокость выделения фигуры «женщины» в рамках исследовательской повестки дня (доклады Б.Н. Гхош «Меняется ли статус женщины кхаси в Мегхалайе?», М. Шриваставы «Женщина и право на пищу» получили замечания критически настроенных слушателей).

Неожиданно накал страстей разгорелся на секции «Лингвистическая антропология». Тут были прочитаны доклады довольно общего содержания, авторы которых в целом привлекали внимание к исчезающим языкам. Но в двух сообщениях речь шла о конкретных исследованиях. Это изучение языковой ситуации бенгальской речи смешанного населения Ховра возле Калькутты, в районе Ботанического сада (А. Мазумдар). Далее прозвучал доклад Прабхата К. Сингха, в связи с которым началась эмоциональная дискуссия и даже перебранка («Инициатива материнского языка: исследования в племенном Джаркханде»). Обсуждались сама концепция «материнского языка» (“mother tongue” как язык, «на котором говорят родители в семье», по формулировке, подготовленной для переписи населения 1881 г., и язык, «на котором обыкновенно говорят», по измененной формулировке 1901 г. В дальнейшем эти языки — домашний и «обыкновенного общения» — начали разводиться. С 1981 г. стали фиксировать «материнский язык» и «язык повседневного общения» — household language). Анализировались методика сбора материала, представленная автором, а также вопрос официального статуса разных языков и возможности государственной поддержки «материнских языков» в школьном образовании.

Тема «этничности» как таковая была представлена в работе конференции довольно скудно и практически исключительно в контексте социальных беспокоейств (social unrest). На секции «Этничность и социальное беспокоейство» были сделаны доклады о этносоциальных проблемах среди (и в связи с) мизо, нага коньяк, горных кхария (Орисса), меч (Северная Бенгалия), байга и гондов (Чхаттисгарх) и некоторых других народов, вовлеченных в политические (а иногда и экстремистские) движения. Имплицитно этническая тема присутствовала во многих докладах, посвященных разным темам, но выполненных на материале конкретных племенных, кастовых, субкастовых и прочих групп (communities).

Наконец, была на конгрессе секция, названная «Музей и культурное наследие», к названию которой имел отношение только один доклад (Гаури Шанкар Махапатры «Роль музея в сохранении традиционных практик общины бхиллов Мадхья Прадеш»). Во втором докладе (Ахери Дас «Маска как дополнительный аксессуар в исполнительском искусстве и традиционных танцах северной части Западной Бенгалии»), насколько я поняла из тезисов, говорилось о маске не как музейном предмете, а в контексте исполнительского действия, но он не был прочитан за отсутствием автора. Третий (мой) доклад «Начни и расик: об одном танцевальном сообществе Западной Бенгалии» не попадал в категорию ни «музеев», ни «культурного наследия». Речь шла об исчезающем сообществе социально отверженных женщин и связанных с ними мужчин (одновременно играющих роль их покровителей, учителей, сожителей, телохранителей, менеджеров, аккомпаниаторов на сцене) района Западной Бенгалии Пурулиа, не сформировавших ни танцевальную традицию, ни касту, ни другую общественную группу. Правда, это несоответствие ничуть не помешало: собрался полный зал слушателей, я получила немало интересных вопросов и дополнений (в частности, от коллег-антропологов из штата Джаркханд, работавших в районе Пурулиа, речь шла о кастовой принадлежности начни, ареале и границах распространения этой практики), дискуссия продолжалась и позднее, в кулуарах. Кроме того, полезным оказалось знакомство с ведущим секции, профессором Чандрашекхаром Гуптой, директором Государственного музея в Нагпуре; он добавил некоторые интересные тезисы (в частности, по поводу классификации женщин-танцовщиц, выступавших на публике) к моей теме.

Таким образом, в выделении секций, формулировке тем докладов отчетливо наблюдалось влияние современных модных трендов социально-гуманитарного знания: медицинской тематики (имеющей прикладное значение, но не всегда ясную

методологию исследования), феминистических направлений (Women Studies) и их политического поворота (“Women Empowerment”). Продолжает (во многом, я думаю, по инерции) использоваться и старая «добрая» концепция «развития» (особенно «племенного развития», концептуализация докладов на этой секции целиком и полностью укладывается в стратегию, разработанную правительством Индии в 1950-е гг.), хотя в ряде докладов отчетливо показан провал этой стратегии в конкретных случаях. Не случайно была сформирована секция «Антропология развития» (“Developmental anthropology”), участники которой обратились к более сложным и современным случаям, свидетельствующим не столько о «развитии», сколько вообще о «преобразовании» отдельных институтов власти и распределения ресурсов. За всем этим стоят разные по уровню и качеству исследования работы: серьезный многолетний труд в одних докладах соседствовал с поверхностным жонглированием популярными словами в других.

Что же касается обобщения работы конференции, то об этом я сужу как из двух вступительных докладов, так и из неформального общения в кулуарах, бесед со многими участниками и организаторами. Речь шла, в частности, о кризисе антропологии в Индии, сущность и природу которого мои собеседники видят по-разному.

Речь профессора Аджит К. Данда оказалась продолжительной лекцией на тему «Болезни антропологии: Индия»; она содержала чрезвычайно общие, фундаментальные позиции из истории развития антропологии вообще, подробный анализ обобщающих работ по антропологическому знанию, начиная с работы Алфреда Хэддона 1910 г. «История антропологии» [Haddon 1910]. Описывая развитие этой дисциплины в Индии, А. Данда постарался развести то, что можно назвать «антропологическим корпусом знания» (и что содержалось, по его словам, еще в текстах жанра смрити, в дхармашастрах, в частности в «Ману-смрити», а также в трактате «Артхашастра», однако — по каким-то не вполне понятным причинам — не получило продолжения и развития), и «антропологической дисциплиной» (западное, и прежде всего британское, колониальное происхождение и характер которой для него очевидны). Одну из главных проблем индийской антропологии Аджит К. Данда усматривает в несоответствии друг другу этих двух «трендов», которые он называет «личностями» антропологии.

Приведу цитату из его доклада: «К сожалению, это — несчастье, что даже по прошествии шести десятков лет независимости едва ли было какое-либо перекрестное опыление этих двух различных личностей антропологии в Индии. Для здорового

развития дисциплины очень важно и срочно необходимо, чтобы академическая дисциплина получила поддержку от корпуса знаний, проистекающих из местного опыта и экспериментов. Поэтому антропология должна заново определить себя, поменять свою модель, чтобы вклад ее оказался общественно значимым».

Речь в докладе шла о преодолении колониальной традиции антропологии как дисциплины, выявлении ее возможностей служить индийскому обществу, строящемуся в идеале по демократической модели развития. На мой взгляд, тут также кроется некоторая опасность политизации дисциплины.

Профессор Видьют Джоши произносил свою вступительную речь экспромтом и посвятил ее теме смены парадигм в индийской антропологии. Он отметил основные вехи ее эволюции, особое внимание обратив на середину 1980-х гг., когда очевидно начал меняться социальный контекст программ, принципиально заложенных в Конституции Индии еще в 1950-е гг., когда стало ясно, что программы развития племен не достигают своей цели и не работают. В 1980-е гг. уже полностью оформилось такое направление исследования, как *Subaltern Studies*, менялся облик направления «деревенских исследований» (*Village Studies*) — в 1986 г. появляются работы на тему *Submarginal Villages*. Стало ясно, что в наступившую эпоху нет единого пути развития даже одной страны мира; способы их модернизации — разные. Существенную роль тут играет не только актуальная реальность, но и воображение (как пример тому, он привел работу Хью Броди «Карты и мечты» 1981 г. — [Brody 1981]). В середине 1980-х гг., по мнению В. Джоши, следует искать корни перемены отношения ряда деревенских общин к экстремизму в целом и в частности к наксалитам (движение которых претерпело серьезную эволюцию во второй половине 1980-х гг., став более жестким, менее терпимым и менее принципиальным) в сторону их принятия.

Кроме того, необходимо учесть процессы, проходившие в середине 2000-х гг., когда были значительно расширены функции панчаятов, особенно в отдаленных и племенных областях. В. Джоши отметил доминирование старых исследовательских моделей (прежде всего *энигма* «развития»), долгое отсутствие внимания антропологов к многим реальным проблемам, особенно политическим движениям, социальным переменам, в частности рождению новых классов, перемене статусов. Одна из существенных проблем в современной индийской антропологии, с его точки зрения, связана с засильем описательных работ, носящих общий, справочный характер, и с общей недостаточностью аналитики.

Существенным дополнением для моего понимания картины тенденций современной антропологии Индии стали публикации последних лет. Это прежде всего четыре весьма увесистых сборника статей, изданных в Калькутте в 2012 г. Индийским антропологическим обществом: “Science of Man” (ed. by Satyabrata Chakrabarti and Arabinda Basu); “Dimensions of Anthropological Research in India” (ed. by Jayanta K. Sarkar, Arabinda Basu and Ajit K. Danda); “Alternative Voices in Anthropology” (ed. by Ajit K. Danda and Rajat K. Das); “Plural Nature of Anthropology” (ed. by Ajit K. Danda, Kishor K. Basa and Kamal K. Misra).

Изучив представленный в них материал, я увидела еще две тенденции, проявившиеся в подчеркнутом интересе к следующим темам. Во-первых, это стремление (не всегда и не совсем удававшееся) выявить существенные особенности и отличия локальных антропологических традиций — ланкийской, бангладешской и других. Отмечу по-разному ставящие именно эту проблему статьи [Perera 2012] и [Chakravarty 2012]. Во-вторых, это «персонификация» антропологии, или же, скажем, прочтение биографий выдающихся личностей искусства, литературы, науки с позиций антропологической дисциплины (статья [Jain 2012]). Действительно, государства Южной Азии, возникшие после Второй мировой войны и распада колониального устройства мира, уже существуют около семидесяти лет, в каждом из них очертились институциональные особенности антропологической дисциплины. Видимо, уже пришло время описать и проанализировать эти «национальные антропологии».

В представленных статьях, правда, пока нет полноценного критического взгляда, авторы в основном ограничиваются общими сведениями и обращаются к некоторым немногим особенностям «автохтонной» антропологии. Обнаружение же «антропологичности» биографий, как мне кажется, интересно и плодотворно, но требует выработки конкретной методики, иначе понятие «антропология» оказывается простой метафорой. Кроме того, есть и опасность диверсификации знания, забвения единого и универсального характера дисциплины, потери единого научного языка и активного обращения к «изобретению» химер — давно существующих и используемых понятий и классификаций. К сожалению, увлечение мыслью о собственной (индийской) особенности, исключительности, проявляющееся во многих статьях сборников и докладах конференции, происходит подчас из простой неосведомленности и даже антропологической неграмотности их авторов.

Антропология и этнология в Индии в основном развивается в крупных столичных университетах (Delhi University, Calcutta University и других). Биологическая и физическая антрополо-

гия привлекают примерно одинаковое внимание исследователей и студентов, как и социально-культурная, хотя рост интереса к медицинской и генетической проблематике, возможно, произведет некоторое перераспределение интереса в пользу первой. Правда, постановка проблем, описание собранного в поле материала осуществляется — как и во всем мире — отчасти по старым прописанным моделям или подвержено модным и во многом политизированным тенденциям.

Важно и отрадно, на мой взгляд, другое обстоятельство: появляются «конкуренты» академической и университетской антропологии. Прежде всего это неправительственные благотворительные организации, институты гражданского общества, такие как *Kolkata Sanved* или *Banglanatak dot com*, активно, осознанно и весьма удачно использующие антропологическое знание, много работающие в поле и очень хорошо осведомленные в социальной, экономической, культурной картине Индии. Они не закрыты от внешнего мира, хотя и направляют свою деятельность на местные проблемы. Но эта тема достойна отдельного, специального разговора.

Библиография

- Brody H.* Maps and Dreams. Vancouver: Douglas & McIntyre, 1981.
- Chakravarty K.K.* Anthropologizing Anthropology: Towards Curing the Human Condition // A.K. Danda, R.K. Das (eds.). *Alternative Voices in Anthropology*. Kolkata: Indian Anthropological Society, 2012. P. 400–408.
- Haddon A.C.* History of Anthropology. L.: Watts and Co, 1910.
- Jain R.K.* Roots and Routes: My Notes Towards a Personal Anthropology of Rabindranath Tagore // A.K. Danda, R.K. Das (eds.). *Alternative Voices in Anthropology*. Kolkata: Indian Anthropological Society, 2012. P. 400–408.
- Perera S.* Notes from and Anthropological Wilderness. A Critical Self-assessment of Sri Lankan “Anthropology” // A.K. Danda, R.K. Das (eds.). *Alternative Voices in Anthropology*. Kolkata: Indian Anthropological Society, 2012. P. 72–116.
- Singh K.S.* (ed.). Jawaharlal Nehru, Tribes and Tribal Policy. Calcutta: Anthropological Survey of India, 1989.